

Крысиные тропы

— Аксель Панцер —

Аксель Панцер

Крысиные тропы.

Часть 1. Город наверху

<https://litres.ru/74605678>

SelfPub; 2026

Аннотация

1941 год. Город ещё живёт привычной жизнью, но война уже меняет всё — улицы, дома, людей и само представление о безопасности.

Инженер Алексей Воронцов привык доверять расчётам, схемам и прочности конструкций. Но после прихода оккупационных властей привычный порядок рушится. Его жена Вера, врач, продолжает лечить людей, а их сын Миша слишком быстро взрослеет в мире, где опасным может оказаться даже собственное имя.

Под городом существует другой мир — старые коллекторы, подвалы, технические ходы и забытые тоннели. То, что раньше было частью городской инфраструктуры, постепенно превращается в сеть тайных маршрутов, способных укрыть тех, кому больше некуда идти.

Первая часть романа «Крысиные тропы» — история о начале оккупации, о страхе и выборе, о людях, которые ещё не считают

себя героями, но уже вынуждены решать, насколько далеко готовы зайти ради спасения другого человека.

Аксель Панцер

Крысиные тропы.

Часть 1. Город наверху

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР

КРЫСИНЫЕ ТРОПЫ

Часть I. Город наверху

Роман

Пролог. ЗНАК НА СТЕНЕ

В начале зимы сорок третьего город под землёй звучал иначе, чем два года назад. Тогда Алексей Воронцов различал в коллекторах только воду, осыпающийся кирпич и далёкий гул трамваев. Теперь он слышал людей. Двадцать семь человек дышали в темноте так, будто сам воздух стал теснее: семнадцать взрослых и десять детей, включая младенца, которого мать прижимала к груди обеими руками, стараясь не дать ему заплакать. Некоторых взрослых Алексей уже перестал спрашивать по имени. Не из равнодушия — из осторожности. Они стояли в старом кирпичном коллекторе, где свод местами уходил так низко, что приходилось пригибаться. Вода достигала щиколоток. В тёмной жиже плавали обломки щепы, бумага и что-то мягкое, чего лучше было не рассматривать. Сверху, за кирпичом и землёй, находился го-

род. Там ещё горели дома, ещё двигались машины, ещё отдавались команды на языке, который за два года стал таким же привычным и ненавистным, как звук сапог по лестнице.

Два года изменили даже запах подземелья. Раньше здесь пахло сырой кладкой, ржавчиной и водой. Теперь к этому примешивались свечной воск, табак, человеческая одежда, дешёвое мыло, иногда кровь. По некоторым галереям люди ходили так часто, что на кирпичках появились потёртости от плеч, а на выступах лежали кусочки мела. Другие проходы, наоборот, закрылись навсегда после обвалов и облав.

Алексей помнил их почти все, но уже не как инженер. Когда-то он измерял расстояния шагами, оценивал уклон, смотрел на состояние кладки. Теперь каждый поворот связывался с человеком.

Здесь однажды плакал ребёнок, которому велели молчать. Там Савченко два часа лежал в ледяной воде, пока наверху проходил патруль. В боковой нише Вера перевязывала раненого при свете одной свечи. В дальнем проходе однажды исчез проводник и больше не вернулся.

Двадцать семь человек за его спиной не знали этих историй. И не должны были знать. Они знали только следующее движение: идти, когда он поднимет руку; останавливаться, когда он остановится; не задавать вопросов, если путь внезапно изменится.

Младенец всё-таки зашевелился. Мать прижала его к себе и закрыла ладонью затылок, будто могла телом остановить

звук. Рядом старуха прошептала: — Дайте мне. — Что? — Ребёнка. У вас руки дрожат.

Женщина хотела отказаться, потом передала малыша. Старуха взяла его так уверенно, словно делала это всю жизнь. Через несколько секунд он успокоился.

Алексей смотрел и думал о том, что сеть всегда держалась именно на таких вещах. Не на картах. Не на условных знаках. Не на его знаниях. Кто-то знал, как открыть замок. Кто-то умел успокоить ребёнка. Кто-то мог пройти по городу так, чтобы его не запомнили. Кто-то отдавал последнюю комнату человеку без документов. По отдельности это были обычные навыки. Вместе они становились дорогой. Сверху раздался глухой удар. Люди вздрогнули. Коля приблизился к Алексею.

— Ещё один квартал прочёсывают. — Откуда знаешь? — Слышал машины. И собак. Последнее слово он произнёс тише. Алексей посмотрел назад. В тесном свете фонаря лица казались одинаково серыми. — Никому не говорить. Коля кивнул. — До развилки сколько? — Минут десять. — Если медленно — пятнадцать. Алексей поправил его автоматически. Даже теперь точность оставалась последней привычкой прежней жизни.

Он коснулся знака на стене. Когда-то круг с короткой чертой означал точку передачи. Безопасное место. Один проводник доводил сюда человека, другой забирал дальше. Потом немцы начали находить такие точки. Знак пришлось ме-

нять. Потом снова. В конце концов любой знак становился временным: язык подземелья жил ровно до тех пор, пока его не начинал понимать враг. Так было и с людьми.

Никто не должен был знать всё. Это правило появилось ещё в первые недели оккупации и сначала казалось Алексею противоестественным. Инженер строит систему так, чтобы видеть её целиком. Но здесь полное знание означало возможность полного уничтожения.

Сейчас, в начале зимы сорок третьего, он уже не знал всех убежищ. Не знал имён некоторых проводников. Не знал, где именно держали лекарства Веры. И считал это успехом.

А здесь не было ни улиц, ни номеров домов. Только повороты, ответвления и знаки. Алексей поднял фонарь, но не включил. Свет теперь был роскошью, которую позволяли себе только там, где точно знали, что впереди. Он провёл ладонью по мокрой стене и нащупал мел. Две вертикальные линии. Между ними короткая поперечная. Он замер. За спиной кто-то тихо спросил:

— Что там?

Алексей не ответил сразу. Когда-то знаки придумывали дети. Потом взрослые стали использовать их для проходов. Потом появились новые метки — точки передачи, закрытые участки, ложные выходы. За два года язык подземного города изменился столько раз, что даже Алексей уже не всегда мог сказать, кто придумал тот или иной знак. Но этот он знал. Дальше нельзя. Он приложил ухо к стене. Снача-

ла услышал только воду. Потом — далёкий металлический стук. Через несколько секунд звук повторился. Шаги. Сверху или впереди определить было невозможно.

— Алексей Петрович? — прошептала женщина с ребёнком. — Тихо.

По цепочке слово передалось назад без голоса: ладонь на плече, потом следующая ладонь. Двадцать семь человек замерли. В темноте Алексей видел их даже без света. Уже не лица, а расположение. Здесь должна стоять мать с младенцем. Чуть дальше — две сестры. У стены — мальчик с повреждённой ногой. За ним — старик, которого последние полчаса поддерживал незнакомый мужчина. Он знал группу как инженер знает систему: не по именам, а по слабым местам. Когда-то это пугало его. Теперь спасало. Слева раздалось шуршание. Кто-то быстро приближался по боковой ветке. Алексей вынул из кармана маленький фонарь и направил в пол. Один короткий всплеск света. Ответ пришёл почти сразу — два коротких. Свой. Из темноты появился Коля. Уже не тот дворовый мальчишка, которого Алексей помнил рядом с Мишей в начале войны. За два года он вытянулся, осунулся и научился двигаться так тихо, что иногда Савченко говорил: «Из тебя, парень, нормальный человек уже не получится».

Коля остановился перед Алексеем и несколько секунд не мог отдышаться.

— Нашёл выход? Мальчик покачал головой. — Там поли-

ция. И немцы. — Сколько? — Не знаю. Много. Двор перекрыт. В подвал спустились двое. Алексей смотрел на него. — Григорий Максимович? Коля опустил глаза. Ответа не требовалось. — Жив? — Когда я ушёл — да. — Взяли? Коля кивнул. Сзади кто-то тихо выругался. Алексей не обернулся. — А Часовня?

— Часовни больше нет.

Эта фраза прозвучала страшнее всего. Часовней они называли узел под остатками разрушенной часовни за старой мельницей: старый подвал, дренажный ход и найденную позже за кирпичной перегородкой высокую техническую камеру. За два года через этот узел прошли десятки людей. Там держали воду, бинты и сухари. Там Вера однажды оперировала мальчика при свете двух свечей. Там Миша впервые настоял, что может быть полезен не как ребёнок, а как человек, знающий путь. Теперь этого места не было.

— Взорвали? — Не знаю. Горит. Внутрь не пройти. Алексей закрыл глаза. — Вера? Коля молчал. — Я спросил, где Вера. — Не знаю.

Слова ударили почти физически. Алексей заставил себя не задавать второй раз тот же вопрос. Если Коля не знает — значит, не знает. Сколько раз он сам учил остальных не превращать незнание в догадку только потому, что догадка легче пустоты. Впереди снова слышались шаги. На этот раз ближе. Один из мужчин прошептал:

— Назад?

Алексей посмотрел в темноту, будто мог увидеть карту, которой у него давно не было. Левый ход вёл к перекрытому двору. Прямой — к Часовне, которой больше нет. Назад оставался участок, по которому они уже прошли, но если Григория взяли, этот путь мог быть известен полиции. Оставалась правая ветка. Старая, повреждённая, почти неиспользуемая.

— Направо, — сказал Алексей. Коля поднял голову. — Там обвал. — Знаю. — Мы не проведём всех. — Проведём.

Он сказал это слишком уверенно и сразу услышал собственную ложь. Не знал. Но иногда человеку, идущему первым, нельзя было позволить себе произнести правду целиком. — По одному. Детей в середину. Раненых не разъединять. Свет только по моей команде.

Группа начала двигаться. Алексей остался последним у развилки. На стене по-прежнему был знак: дальше нельзя. Он достал мел. Нарисовал рядом круг и короткую черту сбоку. Два года назад этот символ означал точку передачи — место, где один проводник передавал человека другому. Потом значение изменилось. Теперь им отмечали место, где путь был раскрыт и больше не принадлежал только им. Здесь нас нашли. Алексей задержал руку на стене. Когда-то немцы и местные полицейские начали называть людей, уходивших в подвалы, крысами. Слово должно было унижать. Потом рабочие подхватили его. Потом сами проводники стали шутить: «Пойдём крысиной тропой». Шутка прижилась, по-

тому что в ней было слишком много правды. Крыса не знает всего города. Она знает следующую щель. Следующий поворот. Следующее место, где можно переждать. Алексей погасил воображаемую карту в голове и шагнул в правый ход.

За спиной оставался знак. Впереди — двадцать семь человек и дорога, которой почти не существовало. Всё это случилось позже. А началось двумя годами раньше, когда город ещё жил наверху и люди верили, что улица всегда ведёт туда, куда на ней написано. В тот день по городу ещё ходили трамваи.

Глава 1. ПОСЛЕДНИЙ МИРНЫЙ ТРАМВАЙ

Утро началось с жары, хотя было ещё рано. Солнце поднималось над крышами медленно, будто заранее обещало тяжёлый день, и на булыжной мостовой уже лежали сухие светлые пятна. Дворники поливали улицы водой из длинных шлангов, пахло мокрой пылью, липой и свежим хлебом из пекарни за углом. Трамвай звякал на повороте, продавщица открывала ставни киоска, две женщины спорили из-за очереди за молоком. Город жил обычным воскресным утром и, как всякий живой организм, не умел заранее знать, что одна из его жизней заканчивается. Алексей Воронцов вышел из подъезда без четверти восемь. Ему было тридцать пять, и он уже успел приобрести ту спокойную сдержанность, которую люди иногда принимали за холодность. Он редко повышал голос, не любил обещаний, которые нельзя выполнить, и ма-

шинально замечал в любом помещении трубы, двери, вентиляционные решётки и то, где пройдёт вода, если лопнет стояк.

Григорий Максимович Савченко подметал двор.

— Рано сегодня, Алексей Петрович. — Как обычно. — Значит, часы у меня врут. — Почините. Савченко остановил метлу. — Если я всё в этой жизни начну чинить, времени жить не останется.

Алексей уже прошёл к воротам, когда заметил, что дворник не улыбается. Обычно за его фразами обязательно следовала едва заметная усмешка, как будто он заранее знал, что никто не обязан воспринимать его всерьёз. — Что случилось? Савченко посмотрел на улицу. — Радио у соседей с пяти утра работает.

— И? — И хорошие новости обычно не слушают шёпотом. Алексей хотел спросить подробнее, но во дворе появилась женщина с ведром, и Савченко сразу снова принялся мести. — Идите, — сказал он. — На работе узнаете быстрее.

На остановке людей было больше, чем обычно. Они стояли теснее, но говорили меньше. Кто-то держал газету, хотя сегодняшнего выпуска ещё не было. Мужчина в белой рубашке рассказывал двум женщинам, что ночью видел военные машины, шедшие на запад. Другая женщина уверяла, что это учения. Никто не спорил до конца, будто любое утверждение могло стать опасным, если произнести его слишком уверенно. Трамвай пришёл с опозданием в четыре

минуты. Алексей отметил это автоматически. В вагоне было душно. Окна открыты, но воздух почти не двигался. Кондукторша в синем халате пробиралась по проходу, щёлкая компостером. У передней площадки двое мужчин обсуждали границу.

— Говорят, бомбили уже. — Кто говорит? — Люди. — Люди много чего говорят. — А ты радио слушал? — Радио пока молчит.

Алексей смотрел в окно. Город проходил мимо знакомыми слоями: старые кирпичные дома с подвалами, построенные ещё до революции; новые кварталы с широкими дворами; рынок, где торговцы раскладывали овощи; заводская труба; зелёный бульвар, по которому шли родители с детьми.

На перекрёстке милиционер поднимал жезл так же, как вчера. У кинотеатра висела афиша. Девушка в белом платье бежала к трамваю и смеялась, потому что кондуктор подождала. Позже Алексей будет вспоминать именно эту девушку. Не вой сирены. Не первые взрывы. А её смех, совершенно лишённый будущего. В управлении городского хозяйства уже никто не делал вид, что утро обычное. На первом этаже звонили телефоны. Курьер поднимался по лестнице через две ступени. Дверь кабинета Королёва была открыта. Иван Сергеевич Королёв, начальник отдела водоснабжения, стоял над картой.

— Воронцов. Хорошо. Сюда. — Что произошло? — Германия напала. Алексей не переспросил. Слова были слыш-

ком ясными. — Когда? — Ночью. Границу перешли в нескольких местах. Бомбили города. — Наши? — Что «наши»? — Где фронт? Королёв раздражённо провёл рукой по волосам. — Если бы я знал, меня бы здесь не было.

В комнате находились ещё трое инженеров. Все говорили о трубах, резервных насосах и запасах топлива. Никто не говорил о страхе. Профессия давала удобный язык, на котором можно было обсуждать катастрофу, не называя её катастрофой.

— Проверить резервные линии, — сказал Королёв. — Все насосные. Старые задвижки тоже. Особенно те, что по плану двадцать четвёртого года. — Они половина не обслуживались лет десять. — Теперь будут. — Людей не хватит. — Найдёте. — Запчасти? Королёв посмотрел на него. — Алексей Петрович, я сегодня уже слышал про запчасти четыре раза. Если у вас есть способ заказать их у немцев, которые сейчас идут через границу, скажите.

— Нет. — Тогда работаем тем, что есть.

Официальное сообщение прозвучало по радио ближе к полудню. Все вышли в коридор. Приёмник стоял на подоконнике. Голос из динамика был ровным, почти слишком ровным. Люди слушали стоя. Алексей смотрел на знакомые лица и впервые заметил, как по-разному человек принимает одну и ту же новость. Один инженер закрыл глаза. Женщина из бухгалтерии постоянно поправляла воротник. Королёв курил, хотя в коридоре курить запрещал сам. Молодой чер-

тёжник смотрел в пол и беззвучно шевелил губами, будто повторял каждое слово. После сообщения никто не разошёлся сразу. Потом Королёв сказал:

— Всё. За работу.

И люди послушались с облегчением. В архив Алексей спустился после обеда. Там было прохладно. Пахло бумагой, пылью и известью. Архивариус вынес несколько больших папок.

— Что ищете? — Старые сети. Всё до двадцатого года тоже. — Зачем вам дореволюционные? — Новые планы неполные. — Они всегда были неполные. — Сегодня это стало важнее. Он разворачивал лист за листом. Планы 1910 года. 1912-го. 1916-го. Водопровод.

Ливневая канализация. Старые котельные. Подвальные галереи. В одном месте Алексей остановился. Под кварталом, где стоял их дом, была нарисована сеть линий, которых на современных схемах не существовало. Некоторые соединяли подвалы. Одна уходила к старой котельной. Другая — к коллектору, давно считавшемуся засыпанным.

— Это действительно было построено? — спросил он архивариуса. Тот посмотрел через очки. — Если на плане есть, значит, собирались. — Я спросил, построено ли. — А это уже другой вопрос.

Алексей сделал отметку. За окном архива прошло несколько часов. Когда он поднялся наверх, город уже был другим — не внешне, а по выражению лиц. На улицах появи-

лись небольшие группы людей у репродукторов. Где-то уже вывешивали объявления о мобилизации. Мужчины шли к военкомату с узлами. Женщины стояли рядом, часто молча. Трамваи продолжали ходить. Алексей сел в тот же маршрут. В вагоне было теснее, чем утром. Никто не смеялся. Один мальчик держал игрушечный самолёт и всё время поднимал его к окну. Мать несколько раз опускала ему руку.

— Хватит. — Почему? — Просто хватит. На остановке у площади трамвай задержался. По улице прошла колонна грузовиков. Люди в вагоне смотрели. Кто-то сказал: — Наши.

И это слово прозвучало уже не как обозначение армии, а как просьба. Когда Алексей вышел возле дома, Савченко всё ещё был во дворе. Метла стояла у стены.

— Узнали? — спросил он. — Да. — Значит, радио не врало. — Нет. Савченко посмотрел на улицу, где трамвай звякнул на повороте. — Жалко. — Что? — День хороший был. Дома Вера стояла у стола и складывала в сумку медицинский халат. — В больницу вызывают всех.

— На ночь? — Не знаю.

Миша сидел у окна. Ему было десять. Он уже был слишком взрослым, чтобы не понимать слова «война», и слишком ребёнком, чтобы понимать их вес.

— Пап. — Что? — Немцы сюда придут? Вера замерла. Алексей снял пиджак, повесил на стул. — Не знаю. — А наши их остановят? — Надеюсь. Миша нахмурился. — Это не

то же самое, что «да». — Нет. Вера посмотрела на мужа. — Сегодня ты особенно щедр на правду.

— А что ему сказать?

Она не ответила. Ночью Алексей долго не спал. Город за окном оставался прежним. Где-то звякнул последний трамвай. Далеко лаяла собака. Кто-то во дворе смеялся, потом быстро замолчал. Алексей лежал и думал о старой схеме.

О линиях под кварталом. О проходах, которых не было на новых планах. Он ещё не воспринимал их как путь спасения. Пока это были только инженерные объекты. Старый кирпич. Забытые коллекторы.

На следующий день война стала видна не только по радио. У военкомата выстроилась очередь мужчин, и улица, по которой Алексей ходил на работу много лет, вдруг изменила рисунок движения. Раньше здесь спешили к трамваю, ругались из-за велосипедов, останавливались у газетного киоска. Теперь почти все взгляды были направлены к одной двери. Женщины стояли чуть в стороне, кто-то приносил узлы, кто-то документы, кто-то просто ждал. Алексей прошёл мимо и поймал себя на том, что узнаёт соседей не по лицам, а по тому, как они прощаются. Один мужчина говорил громко и шутил, явно стараясь рассмешить жену. Другой молчал, держа дочь за плечи. Третий раздражённо просил мать идти домой, а сам не отпускал её руку. В управлении тоже объявили мобилизационные списки. Фёдор из ремонтной бригады оказался среди первых. Он пришёл в мастерскую в но-

вой гимнастёрке, но всё ещё держал в руках гаечный ключ.

— Куда его? — спросил он у Семёна. — Оставь. Армии пригодится другой. — Привык. Семён забрал ключ и положил в ящик. — Вернёшься — найдёшь.

Фёдор улыбнулся, но Алексей заметил: никто не сказал «когда вернёшься». Семён, обычно не боявшийся ни одного слова, тоже осторожно обходил будущее. Город продолжал притворяться обычным. В парке играла музыка, хотя оркестр уже был неполным. В кинотеатре шли сеансы. У кафе стояли столики. На набережной дети запускали самодельные кораблики.

Но привычные действия стали выполнять как будто быстрее, словно люди хотели успеть прожить запас обычной жизни. Вечерами дворы наполнялись разговорами. Новости передавались с этажа на этаж, от окна к окну. Каждая версия начиналась словами «мне точно сказали», но через час превращалась в противоположную. Алексей относился к слухам с профессиональной неприязнью. Ему нужны были цифры, планы и подтверждения. Но война оказалась средой, в которой точные данные опаздывали. К моменту, когда информация становилась официальной, люди уже жили следующей тревогой. Он впервые почувствовал, что привычная инженерная логика не успевает за событиями.

Вечером они с Верой сидели на кухне. Миша спал или делал вид, что спит.

— Ты думаешь, всё быстро закончится? — спросила она.

Алексей долго молчал. — Пока не знаю. — Ты сегодня уже третий раз так отвечаешь. — А что лучше — придумать? Вера провела пальцем по краю чашки. — Иногда хочется, чтобы ты придумал. — Что именно? — Что через месяц всё будет как раньше.

— Не будет. Она подняла глаза. — Вот поэтому иногда я и хочу, чтобы ты умел врать.

Алексей посмотрел в окно. Во дворе Савченко заканчивал обход, проверяя двери подвалов. Дворник, казалось, всегда знал, где должны быть ключи, кто потерял замок, какая семья хранит слишком много вещей в проходе. Раньше всё это выглядело мелочной хозяйственной властью. Теперь каждый ключ вдруг приобретал новый смысл.

— Завтра посмотрю старые подвалы, — сказал Алексей. — По работе? — Пока по работе. Вера услышала слово. — «Пока»? — Я просто так сказал. — Нет. Ты редко говоришь просто так.

Он не стал спорить. На третий день после начала войны первые раненые появились на городских улицах. Не массово, не колоннами — отдельные машины, носилки, люди в бинтах. Но именно тогда война окончательно перестала быть картой на стене. Вера пришла домой утром с пятнами крови на рукаве, которые не заметила. Миша увидел первым.

— Мам, у тебя кровь. Она посмотрела на рукав так, будто увидела чужую одежду. — Не моя.

И ушла умываться. Алексей хотел спросить, что произо-

шло, но не спросил. Между ними впервые возникла новая форма молчания: они старались не приносить домой всё, что видели на работе. Не потому, что не доверяли друг другу, а потому, что квартира оставалась последним местом, где можно было на несколько минут притвориться обычной семьёй. Через неделю это притворство станет почти невозможным. В первые недели особенно странно было наблюдать, как быстро военная реальность присваивает привычные места. Школьный двор, где Миша ещё весной играл в мяч, превратился в площадку для обучения санитарных дружин. В сквере поставили ящики с песком. В бывшем клубе разместили пункт сбора. На площади, где по воскресеньям гуляли семьями, теперь стояли грузовики и люди в форме.

Алексей однажды прошёл по центральной улице вечером и поймал себя на том, что мысленно проверяет не витрины и вывески, а возможные укрытия. Арка. Подъезд. Каменный цоколь. Подвал. Это произошло почти автоматически. Мирная профессия, приучившая его видеть техническую сторону зданий, теперь меняла способ смотреть на город.

Он встретил старого университетского знакомого, Петра Климовича, учителя физики. Тот нёс на плече лопату.

— Вот, — сказал Пётр, — двадцать лет объяснял детям законы природы, теперь копаю яму. — Щель. — Спасибо, инженер. Теперь я образованнее. Они помолчали. — Жена уехала? — Нет. Родители старые. А ваша? — Больница.

Пётр кивнул так, будто этого было достаточно для пол-

ного объяснения. Такие короткие встречи стали новой формой общения: люди называли одно слово — «завод», «мать», «дети», «больница» — и за ним стояла причина остаться. На работе Алексей впервые получил приказ составить перечень объектов, критичных для жизни города при длительном нарушении снабжения. Список был прост: вода, электричество, больницы, хлебозаводы, связь. Но за каждым пунктом стояли десятки конкретных мест. Он писал и понимал, что город в инженерном смысле — не улицы и площади. Город — это зависимость. Нет воды — останавливается больница. Нет электричества — насос не подаёт воду. Нет топлива — не работает генератор. Нет дороги — не привезут топливо. Война делала связи видимыми через угрозу их разрушения. Вечером Алексей пытался объяснить это Мише на примере чайника.

— Если воды нет, чайника тоже как будто нет. — Чайник есть. — Пользоваться нельзя. — Можно налить компот. — Спасибо. — Ты сам сказал думать обходами. Алексей рассмеялся. Вера сказала из комнаты: — Не учи ребёнка логике, он выиграет.

Такие разговоры спасали. Они сохраняли домашний ритм, которого война всё время пыталась лишить их. Но даже в смехе появилось новое: каждый понимал, что завтра может быть иначе. Подвалы. И всё же утром, вспоминая поездку на работу, он вдруг понял: тот трамвай был последним мирным трамваем в его жизни.

После полудня город уже нельзя было назвать прежним, хотя внешне он почти не изменился. Трамваи ходили по тем же рельсам, на углу торговали мороженым, возле парка дети крутили педали прокатных велосипедов, а на набережной пожилые мужчины спорили о погоде. Но у каждого радиоприёмника собирались люди. Репродукторы, ещё вчера служившие фоном, теперь стали центром улицы. Возле одного такого столба Алексей задержался на обратном пути из управления и увидел, как толпа слушает голос диктора, не двигаясь даже тогда, когда по мостовой звякнул трамвай. Кондуктор высунулся из двери, хотел крикнуть, чтобы люди отошли, но сам замолчал и прислушался.

Война входила в город не солдатами, а изменением привычек. Мужчины перестали проходить мимо газетных стендов. Женщины обсуждали не цены на рынке, а фамилии родственников, служивших на западной границе. Дворовые мальчишки, ещё неделю назад делившиеся на «красных» и «белых» в своих играх, теперь рисовали на асфальте самолёты и танки.

Даже продавщица в булочной, всегда сердившаяся на тех, кто выбирал батон подольше, в этот день никого не торопила. Люди покупали хлеб и почему-то брали на одну буханку больше.

Алексей прошёл несколько кварталов пешком. Он любил смотреть на город как инженер, мысленно разбирая его на системы. Под мостовой шли водопроводы, канализация и ка-

бели; за фасадами работали котельные; под трамвайными рельсами лежали дренажные каналы. Мирная жизнь держалась не на площадях и памятниках, а на невидимой работе тысяч людей, которым никто не аплодировал. Война впервые заставила его подумать о том, насколько всё это хрупко. Достаточно одного разрушенного насоса, одной повреждённой подстанции, одной разбитой магистрали — и целый квартал превращался из части города в несколько каменных коробок, где невозможно ни пить, ни мыться, ни тушить пожар.

На насосной станции он застал Семёна за разборкой старого клапана. Тот ругался на ржавчину так обстоятельно, будто именно она объявила войну.

— Вы домой не собираетесь? — спросил Алексей. — А вы? — Собираюсь. — Значит, и я скоро. Семён вытер руки ветошью и посмотрел на разобранный узел. — Алексей Петрович, если правда всё это надолго, запасных частей не хватит. — Почему не хватит? — Потому что раньше, если что ломалось, мы писали заявку. Потом ругались. Потом писали вторую. А теперь кто нам что привезёт?

Алексей хотел сказать, что заводы работают, снабжение будет перестроено, но не сказал. Он уже видел в управлении бумаги с перечнем того, что предлагалось «сохранить на месте» и что — «подготовить к возможной эвакуации». Само слово «возможной» выглядело успокаивающе, но рядом стояли подписи, сроки и фамилии ответственных.

— Значит, придётся чинить то, что есть. — Вот поэтому я

старое и не выбрасываю, — сказал Семён. — Молодые смеются: Семён тащит всякий хлам. А потом хлам становится запчастью. Он показал на полку, где лежали клапаны, бронзовые втулки, куски труб и прокладки неизвестного происхождения. — В хозяйстве нет мусора. Есть вещи, про которые ещё не поняли, зачем они нужны.

Эта фраза Алексей потом вспоминал, разбирая дореволюционные планы подвалов. Тогда он только усмехнулся и помог Семёну поднять тяжёлую крышку клапана.

Домой он возвращался трамваем. В вагоне было тесно. Разговоры возникали и гасли сами собой. Кто-то уверял, что немцев остановят через неделю. Мужчина с портфелем говорил, что слышал о больших потерях, но тут же добавлял, что это наверняка слухи. Женщина у окна всё время спрашивала, не объявили ли мобилизацию какого-то года рождения. Никто не знал точно, но отвечали все.

На одной из остановок вошёл молодой лейтенант. Ему сразу уступили место. Он отказался и остался стоять у двери, держа небольшую сумку между ног. Алексей заметил, что форма на нём новая, а сапоги уже натёрли пятки: молодой человек время от времени переносил вес с ноги на ногу и морщился. Две женщины напротив смотрели на него так, будто хотели спросить, куда его отправляют, но не решались. Лейтенант тоже понимал этот взгляд.

На следующей остановке он вышел, и весь вагон ещё несколько секунд смотрел ему вслед. Вечером семья ужина-

нала у открытого окна. С улицы тянуло липой и нагретым камнем. Где-то играла музыка — старый патефон, слишком громкий для двора. Миша ковырял вилкой картошку и пытался добиться от отца ответа, сколько самолётов может прилететь одновременно.

— Откуда мне знать? — Ты инженер. — Я не авиационный инженер. — Всё равно инженер. Вера улыбнулась. — Это диагноз. Теперь ты обязан знать всё. Алексей посмотрел на сына. Тот действительно ждал ответа, как будто знание количества самолётов могло сделать войну понятнее. — Много, — сказал Алексей. — Но это не главное.

— А что главное? Он хотел ответить: чтобы они не долетели. Но вспомнил собственное правило не обещать невозможного. — Главное, чтобы люди знали, что делать, если начнётся тревога. — Мы знаем. — Что? — Спуститься в подвал. — Не бежать по лестнице. Не толкаться. Взять документы. Не возвращаться за вещами. Миша кивнул с серьёзностью взрослого. Вера наблюдала за ними и вдруг сказала: — А если ты будешь на работе? Вопрос прозвучал просто, но Алексей понял, что она спрашивает совсем не о тревоге. — Вы спуститесь без меня.

— А потом? — Потом я приду.

Он сказал это автоматически. Вера посмотрела внимательно, но спорить не стала. Это было первое обещание войны, которое он дал, не имея никакой возможности гарантировать его исполнение.

Глава 2. ПЕРВЫЕ СВОДКИ

Через неделю город научился жить от сообщения до сообщения. Утро начиналось с радио. День делился не на часы, а на сводки. Вечером люди пытались по карте понять названия мест, о которых ещё недавно почти никто не слышал. Слова «отступили», «оставили», «ведутся бои» произносили осторожно, потому что каждое из них как будто сокращало расстояние между фронтом и домом. Алексей работал по двенадцать, иногда по четырнадцать часов. Водоснабжение пока действовало нормально, но управление готовилось к тому, чего никто вслух не называл. Проверяли пожарные резервуары, старые насосы, аварийные колодцы. Там, где раньше на ремонт просили месяц, теперь давали два дня. Семён, старший слесарь насосной, встретил его утром у технического колодца.

— Война хороша для хозяйства. Алексей посмотрел. — Что? — Всё, что пять лет нельзя было починить, теперь приказали починить к вечеру. — Очень смешно. — Я не смеюсь.

Семён был лет на десять старше Алексея, крепкий, медлительный в движениях и быстрый в оценках. Он редко спорил с начальством, но это не означало согласия. Просто считал спор ещё одной работой, за которую никто не платит.

— Кирпич привезли? — Половину. — Цемент? — Треть. — Люди? — Все. — Значит, повезло. — Вот теперь вы шутите.

Они спустились в старую подземную камеру, где по документам должна была проходить резервная линия. Часть стены была заложена кирпичом позже основной кладки. Алексей провёл рукой по шву.

— За ней пустота. — Откуда знаете? — Звук. Семён постучал молотком. — Похоже. — Пробиваем.

Через час открылся узкий коридор. Воздух из него пах землёй и сыростью, но не затхлостью. Значит, где-то была вентиляция или другой выход. Фёдор, молодой рабочий, посоветил внутрь.

— Чёрт. — Что? — Там дверь. Действительно, через несколько метров стояла металлическая дверь. На ней висел замок. Алексей подошёл. — Новый. — Насколько новый? — спросил Семён. — Не довоенный точно не скажу. Но не такой старый, как всё вокруг. — Значит, кто-то пользуется. Алексей посмотрел на него. — Возможно.

— Или? — Или замок повесили десять лет назад и забыли. Семён усмехнулся. — Вы всегда выбираете скучное объяснение. — Оно чаще верное. — До войны — может быть.

Замок не тронули. У них была другая задача. Но весь день Алексей возвращался мыслью к двери. В городе между тем исчезала прежняя лёгкость. Плакаты о бдительности появились у заводов и вокзала. Ночами дежурили на крышах. Окна начали заклеивать полосами бумаги. Во дворах люди рыли щели и убежища. Женщины учились тушить зажигательные бомбы песком. Дети сначала воспринимали это как игру,

и взрослым приходилось ругать их за смех. Первая настоящая воздушная тревога застала Воронцовых ночью. Сирена поднялась над городом так неожиданно, что Алексей сначала решил, что это заводской гудок. Потом звук стал нарастать. Вера уже была на ногах.

— Миша! Из комнаты: — Я не сплю! — В подвал.

Алексей взял приготовленную сумку. На лестнице было темно. Соседи спускались быстро, кто-то в пальто поверх ночной рубашки, кто-то с подушкой, кто-то с ребёнком на руках. Савченко стоял у подвальной двери и направлял людей.

— Не толпимся. Всем места хватит. Если не хватит — потеснимся, мы ещё не немцы. Кто-то нервно засмеялся. Подвал был тесным. Пахло картошкой, углём и людьми. Лампа под потолком качалась. Миша устроился рядом с Алексеем. — Пап. — Что? — Здесь можно пройти в соседний дом. Алексей повернулся. — Откуда знаешь?

— Мы ходили. — Кто «мы»? — Я, Колька и Сенька. — Когда? — Давно. — Насколько давно? — До войны. Вера тихо сказала: — Очень точная система датировки. Миша не оценил. — Там за угольной кучей кирпичи выбиты. Потом ещё одна комната. Потом дверь. — Закрытая?

— Нет. — И куда? — В соседний подвал. Алексей перевёл взгляд на стену. — Завтра покажешь. — Правда? — Если я сказал. — А дальше там ещё есть. — Сколько? Миша пожал плечами. — Много. Где-то далеко раздался глухой

удар. Подвал замолчал. Вторая детонация была ближе. Лампа качнулась. Женщина в углу перекрестилась. Рядом мужчина сердито сказал: — Не надо.

— Что не надо? — Паниковать. Она посмотрела на него. — Я молюсь.

Мужчина отвёл глаза. После отбоя люди ещё долго не расходились. Утром Миша показал проход. За угольной кучей действительно была разбитая кирпичная перегородка. Потом низкая комната с давно сгнившими полками. Дальше коридор.

— Колька говорит, раньше все дома были соединены. — Колька много говорит. — Но здесь же соединены. — Здесь — да. В соседнем подвале на стене мелом был нарисован круг. — Это что? — Колькин знак. — Зачем? — Чтобы не перепутать. — Что перепутать? — Дороги. Алексей посмотрел на сына. — Сколько у вас знаков?

— У каждого свой. — Твой какой? Миша взял кусок мела и нарисовал две вертикальные черты, потом косую. — Вот. — Почему такой? — Просто. — Очень инженерный ответ. — Я же твой сын.

Алексей хотел улыбнуться, но почему-то не получилось. Он увидел в детской игре то, чего раньше не замечал: структуру. Дети уже создали собственную систему навигации по пространству, которого не существовало на официальных картах. Вечером Алексей достал старые планы. Положил рядом Мишин рисунок. Несколько совпадений были слишком

точными.

— Что делаешь? — спросила Вера. — Смотрю. — Это я вижу. Он показал. — Вот наш дом. Вот соседний. По старой схеме между ними должен быть технический проход. — И он есть. — Да. — А это? — Старый коллектор. — Работает? — Не знаю.

— Опять. Миша сидел рядом. — Я знаю ещё три подвала. Алексей поднял глаза. — Нарисуй. — Сейчас? — Сейчас.

К полуночи на столе лежала детская карта квартала. Она была неточной, с кривыми линиями и смешными обозначениями. Но главное было понятно: под домами существовала связность, которой официальная схема почти не показывала. Вера долго смотрела.

— У вас получается второй город. Алексей поднял глаза. — Что? — Один наверху. Один внизу.

Миша улыбнулся. На следующий день Алексей действительно заставил Мишу показать все известные проходы в пределах квартала. Они шли втроём — Алексей, Миша и Савченко. Дворник взял связку ключей, которая звенела у него на поясе так громко, что Миша спросил, зачем ему столько. — Чтобы люди думали, будто я всё могу открыть.

— А ты можешь? — Нет. Но людям спокойнее.

В первом подвале они обнаружили старую кирпичную арку, заложённую досками. Во втором — узкий проход между стеной и котельной трубой. В третьем путь перекрывала мебель, которую жильцы складировали десятилетиями. Алек-

сей раздражался не из-за препятствий, а из-за хаоса. Для него любая система должна была иметь структуру. Подземелье сопротивлялось структуре: здесь каждый год кто-то переносил стену, ставил дверь, заваливал проход, делал кладовку там, где по старому плану шла галерея.

— Вот поэтому дети знают лучше, — сказал Миша. — Почему? — Мы не смотрим на планы. — Это не преимущество. — А мы проходим там, где можно. Савченко хмыкнул. — Мальчишка прав. Бумага знает, где дверь должна быть. Нога знает, где она есть. Алексей посмотрел на него. — Вы сговорились?

— С детьми сложно сговориться. Они слишком дорого продаются. В соседнем доме им открыла пожилая женщина, которая сначала отказалась пускать в подвал. — Там мои банки. — Какие банки? — Нормальные. С огурцами. — Нам нужен проход. — Вот ещё. Огурцы ваши немцы есть будут? Савченко вмешался: — Прасковья Тимофеевна, если дом загорится, вы банки на себе понесёте?

— А ты не каркай. — Я дворник, мне положено.

В конце концов дверь открыли. За рядами банок действительно обнаружилась низкая арка. Такие мелочи постепенно складывались у Алексея в другое представление о городе. Официальные схемы показывали инженерную задумку. Реальные подвалы показывали человеческую жизнь, которая десятилетиями меняла эту задумку под себя. Именно поэтому невозможно было просто взять старый план и считать

его дорогой. В управлении тем временем всё чаще говорили о резервных источниках воды. На случай разрушения магистралей проверяли колодцы, старые скважины, цистерны. Алексей получил список из двадцати семи объектов, половина которых существовала только на бумаге. Семён смотрел на список.

— Вот этот колодец засыпали ещё при царе. — Откуда знаете? — Мой дед ругался, что зря. — Ваш дед? — А что? У нас семья тоже старая коммуникация.

Алексей усмехнулся. Война неожиданно делала полезным то, что мирное хозяйство считало устаревшим: старые колодцы, ручные насосы, забытые склады, подвалы, люди, помнившие устройство города до перестроек. Современность отступала, и из-под неё проступал старый город, словно изображение под слоем новой краски. Вечером Миша продолжал карту. Он придумал обозначать закрытые проходы крестом, низкие — короткой чертой, места, где взрослому трудно пролезть, — кружком с точкой.

— А если взрослый худой? — спросил Алексей. Миша задумался. — Тогда пролезет. — Значит, знак неточный. — Ты всё усложняешь. — Карта должна быть точной. — Нет. Карта должна помогать.

Эта фраза осталась у Алексея в памяти, хотя тогда он не придал ей значения. Позже именно это станет одним из принципов подземных маршрутов: карта, которая слишком точна, опасна; карта, которая помогает следующему челове-

ку пройти участок, достаточно хороша. Но пока они просто сидели на кухне. Вера зашивала разорванный рукав халата. Радио говорило о боях. За окном было жарко. И на несколько минут всё снова казалось семейным вечером. Первые сводки влияли на город не только страхом. Они меняли речь. Люди всё чаще говорили «до войны», хотя война началась совсем недавно. «До войны я собирался отремонтировать крышу». «До войны сын хотел поступать». «До войны мы откладывали деньги». Всего несколько недель отделяли прежнюю жизнь, а звучало так, будто прошли годы. Миша однажды спросил:

— А мы тоже теперь говорим «до войны»? — Иногда, — ответила Вера. — Но это же недавно. — Для времени недавно. Для жизни — не очень.

Он не понял полностью, но запомнил. Алексей начал брать сына на короткие безопасные осмотры подвалов именно потому, что понял: запрет не отменяет детское любопытство. Лучше показать опасность, чем оставить её приключением.

— Видишь трещину? — Да. — Почему не лезем? — Может обвалиться. — Вот. А здесь? — Вода. — Не только. Провод низко.

Миша постепенно учился смотреть не как мальчишка, а как наблюдатель. Это одновременно радовало и пугало Алексея. Однажды они встретили в подвале двух незнакомых подростков. Те замерли, увидев взрослого.

— Что делаете? — Ничего. — «Ничего» обычно не требует фонаря.

Оказалось, искали краткий путь к соседнему двору. Алексей выгнал их, но потом задумался: количество людей, знающих о проходах, было гораздо больше, чем он предполагал. Савченко сказал: — Подвалы никогда не были тайной. Тайной бывает только то, кто сегодня через них идёт.

Эта мысль станет важной позже. Тогда Алексей просто записал ещё одну дверь. Водоснабжение пока держалось, но оборудование начинало работать без нормального обслуживания. Запчасти уходили на фронт, специалисты — в армию. В мастерской становилось пусто. Семён однажды посмотрел на ряд свободных верстаков.

— Скоро будем чинить всё молотком. — Почему молотком? — Потому что он последний останется. — И то если не заберут. — Вот видите, учитесь оптимизму.

Работа становилась импровизацией. Именно в этой среде Алексей начал ценить людей, способных не по инструкции восстановить старую систему. Семён, Савченко, рабочие старшего поколения знали то, чего не было в документах. Город постепенно переходил от культуры правил к культуре памяти.

В следующие дни управление превратилось в место, где город пытался заранее представить собственные разрушения. На больших листах отмечали пожарные резервуары, возможные места обрывов магистралей, станции, которые

должны были продолжать работу при отключении электричества. Люди, привыкшие рассчитывать плановый расход воды на квартал, теперь обсуждали, сколько часов продержится больница, если остановится насосная станция.

Королёв собрал инженеров в кабинете. На столе лежала схема города, испещрённая красными и синими карандашными линиями.

— Основная задача — резервирование, — сказал он. — Никакой красивой работы. Нужно, чтобы при повреждении одного участка соседний мог жить хотя бы несколько часов. Тарасов спросил: — А если повреждение массовое? Королёв посмотрел на него. — Тогда будем чинить массово. Никто не улыбнулся.

Алексей получил центральный и восточный районы. Он ходил по насосным, дворам и техническим помещениям, которые прежде видел только на бумаге. В каждом обнаруживалось что-нибудь, не совпадавшее с чертежами. Где-то трубу переложили ещё в двадцать девятом году, но изменения не внесли в архив. Где-то старый колодец засыпали наполовину и превратили в склад. В одном доме жильцы сами пробили проход между двумя подвалами, чтобы таскать уголь, и теперь не могли вспомнить, кто именно это сделал.

— Город живёт быстрее бумаги, — сказал Семён, когда Алексей в очередной раз ругался на неточный план. — Бумага должна догонять. — Вы ей это объясните.

Они стояли в подвале школы. Над ними скрипели скамьи:

классы освобождали под временный пункт размещения эвакуированных из западных районов. На полу лежали свёрнутые матрасы, ведра, детские вещи. В углу женщина укачивала ребёнка и тихо напевала. Алексей впервые увидел людей, для которых война уже означала потерянный дом, а не сводку по радио. Семён тоже смотрел на них.

— Из-под самой границы, говорят. — Кто? — Эти. — Откуда знаешь? — Женщина сказала.

Алексей хотел спросить подробнее, но остановился. Ему показалось неприличным превращать чужую беду в сведения. В тот день произошла первая воздушная тревога, которую никто уже не принял за учебную. Сирены завывали около трёх часов дня. Сначала один гудок, потом второй, и почти сразу город словно споткнулся. Трамваи остановились. Кондукторы открыли двери. Люди побежали к подъездам и укрытиям. На улице слышались команды дежурных. Алексей находился в техническом дворе. Семён поднял голову.

— Ну вот. — В подвал. — Мы и так в подвал собирались. Они спустились вместе с рабочими. Через несколько минут в помещение начали заходить жильцы соседнего дома. Кто-то принёс стул, кто-то — свёрток с документами, одна женщина тащила кастрюлю, пока другая не выругалась и не заставила её оставить посуду наверху. Дети сначала возбуждённо шептались, потом замолчали, когда далеко слышался глухой удар.

Алексей прислушался. Он ещё не умел определять расстояние до взрыва, но понял, что удар был настоящим. Женщина рядом спросила: — Это сюда? — Нет. — Откуда знаете? Он не знал. Просто увидел её лицо и ответил. — Далеко.

Это была маленькая ложь, произнесённая без раздумий. Позже он вспомнит её, когда Вера скажет, что иногда честность может быть жестокой.

Тревога длилась меньше часа. Когда люди вышли, улицы выглядели так же, как прежде, и от этого было странно. Где-то далеко поднимался дым, но здесь окна были целы. Трамваи снова двинулись. Продавщица вернулась к киоску. Жизнь словно получила разрешение продолжаться.

Вечером Алексей нашёл в архиве папку с дореволюционными схемами водоотведения. Бумага была плотной, пожелтевшей, с аккуратными чернильными линиями. Некоторые галереи обозначались пунктиром и уходили под кварталы, где современные планы показывали только подвалы отдельных домов. В углу одного листа стояла дата — 1912 год. Тарасов заглянул через плечо.

— Ищите клад? — Старый водосбор. — Одно другому не мешает. Алексей провёл пальцем по линии. — Здесь должна быть галерея. Но на новой схеме её нет. — Значит, засыпали. — Или забыли. — Город ничего не забывает. Люди забывают.

Фраза показалась Алексею красивой, но не практичной. Он переписал координаты в блокнот. Дома Миша разложил

на столе собственный лист в клетку. На нём были квадраты домов и стрелки между ними.

— Что это? — Подвалы. — Чьи? — Наши. — В смысле? — Наш и соседние. Алексей сел рядом. — Ты откуда знаешь, что они соединяются? — Ходили. — Кто «ходили»? — Я, Колька и Сенька. — Когда? — Весной. — Куда именно? Миша показал. Два дома, потом третий, потом стрелка к старой котельной. Алексей почувствовал сначала раздражение, затем профессиональное любопытство. — Здесь стена.

— Есть дырка за дровами. — А здесь? — Дверь. Она без ручки, но если тянуть снизу, открывается. — Ты понимаешь, что это опасно? — Теперь понимаю. — Почему теперь? Миша пожал плечами. — Потому что ты спрашиваешь как на работе. Вера, слушавшая из кухни, засмеялась. — Тебя разоблачили.

Алексей не улыбнулся. Он вдруг увидел сходство между старой архивной схемой и детским рисунком. Там, где официальная карта заканчивалась стеной, у мальчиков существовал проход. Город действительно жил быстрее бумаги — и, возможно, гораздо глубже, чем он представлял.

— Я же говорил. Никто тогда ещё не понял, насколько точным окажется это название.

Глава 3. КАРТЫ ПОДВАЛА

К середине июля подвалы перестали быть хозяйственными помещениями. В них принесли скамейки, вёдра с водой, аптечки и песок. На стенах мелом писали номера подъездов.

У входов назначали ответственных. Люди, которые ещё месяц назад спорили из-за места для картошки, теперь обсуждали, сколько человек поместится между угольной ямой и стеллажами. Город привыкал к войне так, как человек привыкает к постоянной боли: не потому, что становится легче, а потому, что невозможно всё время жить на пределе. Трамваи ходили реже. На улицах стало больше военных. У вокзала постоянно стояли люди с чемоданами. Кого-то провожали, кто-то ждал поезд, который мог не прийти. Магазины ещё работали, но очереди удлинялись. Исчезало то одно, то другое. Люди начали покупать спички, соль, мыло, керосин — вещи, о которых в мирной жизни вспоминали только тогда, когда они заканчивались.

Проверка подвалов быстро перестала быть формальностью. Алексей ожидал увидеть одинаковые помещения с угольными ямами, трубами и кладовыми, но каждый дом имел собственную биографию, застывшую в кирпиче. В одном подвале сохранились арочные своды старого купеческого дома. В другом дореволюционную кладку рассекала новая бетонная перегородка. Под третьим домом обнаружилась засыпанная лестница, которая когда-то вела во двор давно снесённого флигеля.

С ним ходили Семён и молодой техник Фёдор. Фёдор всё пытался наносить находки на современную схему с линейкой.

— Не сходится, — говорил он. — Конечно, не сходится,

— отвечал Семён. — Дом строили одни, перестраивали другие, чертил третий, а ты хочешь, чтобы через тридцать лет сошлось до сантиметра. — Тогда зачем планы? — Чтобы знать, где ошибаться.

Алексей сделал вид, что не слышит. Но в блокноте всё чаще появлялись не точные размеры, а пометки: «проверить на месте», «возможен ход», «кладка поздняя», «за стеной пустота». В подвальном коридоре дома номер двадцать семь они впервые обнаружили дверь, которой не должно было быть. Железная, узкая, утопленная в кирпич. Замок выглядел новее самой двери. Фёдор потянулся к нему.

— Не трогай. — Почему? — Потому что закрыто не нами. Семён присел, посмотрел на пол. — Ходят. — Откуда? — Пыль у порога сбита. Алексей постучал. За дверью сначала было тихо, потом что-то едва слышно шевельнулось. — Есть кто-нибудь? Из-за двери не ответили сразу. Потом женский голос спросил: — Кто?

— Городское хозяйство. Проверяем подвал. — Здесь ничего нет. Фёдор посмотрел на Алексея. — Откройте, пожалуйста. — Не могу. — Почему? — Ключ не у меня.

Ответ прозвучал слишком быстро. Семён отвёл глаза, давая понять, что услышал то же. Алексей мог вызвать дворника, потребовать открыть помещение, составить акт. Вместо этого сказал: — Если будет воздушная тревога, этот коридор должен оставаться свободным. — Будет. Они ушли. На лестнице Фёдор спросил: — Почему не открыли?

— Потому что мы проверяем проходы, а не чужие вещи.
— А если там что-то опасное? — Тогда узнаем, когда будет основание. Семён усмехнулся. — Учись, Федя. Это называется «не видеть лишнего». Алексей резко сказал: — Это называется заниматься своей работой. Но вечером он всё-таки отметил дверь на карте.

Дни становились жарче. Воздушные тревоги случались чаще. Город обрастал мешками с песком, стрелками к убежищам, заклеенными крест-накрест окнами. У некоторых домов дежурили жильцы с вёдрами и баграми. Во дворах учили тушить зажигательные бомбы. Люди делали это неловко, шутя и споря, но в шутках уже не было прежней лёгкости.

Однажды Алексей возвращался после проверки и увидел, как на площади дети помогают взрослым наполнять мешки песком. Миша тоже был там.

— Ты почему не дома? — Помогаю. — Кто разрешил?
— Мама. Вера, оказавшаяся рядом, сказала: — Не мама. Он уже был здесь, когда я его нашла. — Отлично. Миша опустил голову. — Я не далеко. — Дело не в расстоянии. — А в чём? Алексей посмотрел вокруг. На площади были десятки людей. Казалось бессмысленным запрещать сыну делать то, что делали все. — В том, что теперь ты говоришь, куда идёшь.

— Хорошо. — Всегда. — Хорошо. Вера дождалась, пока Миша отойдёт, и тихо сказала: — Ты пытаешься контроли-

ровать войну через расписание ребёнка. — Я пытаюсь хотя бы знать, где он. — Знаю. Она коснулась его руки. — Я тоже.

В архиве Алексей начал накладывать планы разных лет один на другой. На окне закреплял листы так, чтобы дневной свет просвечивал бумагу. Современные улицы совпадали, а подземные линии разбегались. Некоторые коллекторы исчезали с карт после реконструкций, но физически могли оставаться. Подвалы домов, стоявших когда-то отдельно, оказывались на месте старых складских галерей. Чем дольше он работал, тем яснее видел: под городом нет единой системы. Есть слои.

Слой старых водостоков. Слой дореволюционных подвалов. Слой новых коммуникаций. Случайные проходы, пробитые жильцами. Замурованные двери. Забытые шахты. Он принёс одну из схем домой. Вера посмотрела.

— Красиво. — Это не картина. — Я вижу. — Тогда почему красиво? Она провела пальцем над линиями, не касаясь бумаги. — Потому что похоже на кровеносную систему. — Скорее на кишечник. — Ты неисправим. Миша заглянул через плечо. — Это карта второго города. Алексей задержал на нём взгляд. — Какого ещё второго?

— Ну этого. Который под первым.

Фраза прозвучала детски и точно. Алексей даже хотел записать её, но не стал. Позже ночью он долго сидел над картами один. За окном прошла машина. Где-то хлопнула дверь. Город наверху спал беспокойно, но всё ещё существовал в

привычных координатах — улица, дом, площадь, вокзал. На столе перед ним лежал другой город, где улиц не было. Только линии, тупики, соединения и пустоты.

Ему казалось, что он изучает инфраструктуру. На самом деле он уже начинал изучать пути. Королёв вызвал Алексея утром.

— Есть новое распоряжение. Проверить подвалы центральных кварталов. — На что? — Связность. Вместимость. Возможность прохода между домами на случай пожаров и завалов. Алексей задержал взгляд. — Кто придумал? — Какая разница? — Большая. Если человек понимает старую застройку, можно говорить предметно. — Не понимает. — Тогда будет весело. Королёв усмехнулся. — Берите старые планы. Вот вам официальное разрешение ковыряться в своих подземельях.

Алексей работал три дня почти без перерыва. Он наложил друг на друга планы разных лет. 1910-й. 1912-й. 1916-й. Потом 1924-й, 1931-й и современную схему. Город наверху менялся постоянно. Улицы расширяли. Дома сносили. Дворы перестраивали. Названия менялись. Внизу всё менялось медленнее. Старый кирпичный коллектор мог пережить владельца дома, революцию, перепланировку квартала и новое назначение здания. Засыпанный ход иногда оставался проходимым с другой стороны. Дверь закладывали кирпичом, но сама галерея продолжала существовать. Алексей начал видеть город слоями. Это завораживало. И тревожило. Их

собственный квартал оказался особенно сложным. Семь домов имели старые подвальные связи. Дальше сеть уходила к бывшей котельной, от неё — к ливневому коллектору.

— Для чего это строили? — спросил Тарасов, заглядывая через плечо. — Для обслуживания. — Всего? — А что вы хотите? — Чтобы было интереснее. — В инженерии «интереснее» обычно означает «дороже». Тарасов провёл пальцем по линии. — А если немцы придут, по этому можно уйти? Алексей поднял глаза. — Зачем вы это сказали?

— Что? — Именно так. — Да просто. — Не просто. Тарасов убрал руку. — Ладно. Забудьте.

Но Алексей не забыл. С Семёном и двумя рабочими они начали обход. Первый проход был чистым. Второй частично засыпан. Третий затоплен. В четвёртом стояла старая мебель, которую пришлось разбирать. В пятом обнаружилась дверь с новым замком.

— Опять, — сказал Семён. — Не тот же замок. — Я не про замок. Я про людей, которые любят запирают старые двери. Алексей постучал. Тишина. Потом из-за двери женщина спросила: — Кто? — Городское хозяйство. — Что надо? — Открыть. — Зачем? — Проверка подвала. Долгая пауза. Дверь открылась на цепочку. Женщина лет сорока смотрела испуганно. За ней Алексей увидел два чемодана и свёрнутые одеяла. — Мы ничего не нарушаем.

— Я не милиция. — А кто? — Инженер. — Сейчас все говорят, что инженеры. Семён тихо сказал: — Это новая фор-

ма преступности. Женщина не улыбнулась. Алексей показал удостоверение. Она открыла шире. За дверью оказался маленький сухой подвал, из которого действительно шёл коридор дальше. — Вы здесь живёте?

— Нет. — Тогда зачем вещи? Она посмотрела на чемоданы. — На случай тревоги.

Ответ был правдой. Но не всей. Алексей не стал спрашивать. В тот день он впервые подумал, что подвалы меняют назначение ещё до того, как кто-то отдаёт приказ. Люди сами начинают приспособливать пространство под страх. К вечеру выяснилось: из семи запланированных связей пять проходимы. Один коридор можно было восстановить за день. Ещё один требовал серьёзной расчистки. Королёв просмотрел отчёт.

— Делайте шестой. — Зачем? — Вы сами написали: при завале улицы даст проход в соседний двор. — Людей мало. — Возьмите двух из ремонтной бригады. — Там магистраль. — Воронцов. — Что? — Не пытайтесь спасти весь город одним списком приоритетов. Алексей поднял глаза. — А кто тогда? Королёв устало усмехнулся. — Вот за это я вас иногда не люблю. Дома Алексей разложил планы на столе. Миша сел рядом. — Мой лучше.

— Твой красивее. — Нет, лучше. — Почему? — Потому что здесь есть то, чего у тебя нет. Он показал маленькую линию между двумя домами. — Откуда? — Колька нашёл. — Когда? — Весной. — Покажешь? Миша улыбнулся. — Ты

же запрещал туда ходить. — Теперь разрешаю показать. Это не значит ходить самому.

— Удобно. — Очень. Вера принесла чай. — Вы опять строите второй город? — Проверяем первый снизу. — Разница большая? Алексей перевёл взгляд на стол. — Пока да.

В ту ночь впервые стало слышно далёкую артиллерию. Не бомбёжку. Именно фронт. Очень далеко, на грани слуха. Алексей стоял у открытого окна. Вера подошла.

— Это оно? — Похоже. — Далеко? — Да.

Он не добавил: пока. На столе за их спинами лежала карта без улиц. Только подвалы, коллекторы и линии.

Работа с подвалами вывела Алексея за пределы собственного квартала. Он начал видеть, насколько различается город снизу. В старых купеческих домах подвалы были просторными, с кирпичными сводами и толстыми стенами. В домах, построенных позже, технические помещения делали теснее. Где-то сохранились ледники, где-то угольные склады, где-то старые печные ходы. Под фабричными корпусами тянулись галереи, рассчитанные на трубы и кабели. Под церковью, давно закрытой, обнаружилась крипта, превращённая в склад. Каждый район имел собственный подземный характер, как будто город продолжал социальную географию и после того, как исчезали вывески и фасады. В одном из домов они встретили старого техника, который отказался смотреть на план.

— Там неправильно. — Почему? — Потому что после

тридцать второго стену перенесли. — Где? — Пойдёмте покажу.

И действительно, за шкафом находилась дверь, которой не было ни на одной схеме. Алексей начал записывать подобные сведения отдельно. Сначала в рабочую тетрадь, потом понял, что записи становятся слишком подробными. Он переписал только основные точки, а остальное пытался помнить. Королёв однажды заметил: — Вы стали ходить как человек, который всё время считает шаги.

— Иногда считаю. — Зачем? — Чтобы понимать расстояния в подвале. — С ума сойдёте. — Пока нет. — Не говорите «пока». Сейчас это плохое слово.

Такие разговоры стали обычными. Люди шутили именно о том, чего боялись. Смех не уменьшал страх, но давал возможность находиться рядом с ним. Фронт медленно приближался. Из пригородов начали приходить первые беженцы. Они рассказывали разное: кто-то видел самолёты, кто-то сгоревшие деревни, кто-то отступающие части. Истории противоречили друг другу, но у всех было одно общее качество — они приносили войну ближе. Вечером на рынке Алексей видел женщину, продававшую семейную посуду. Рядом стоял мальчик и держал клетку без птицы.

— Куда едете? — спросила знакомая продавщица. — На восток. — К кому? — Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.